

Anton Chekhov

The Death of the Official

The Chameleon

The Horse-Name

Corporal Prischibeget

Mourning

READ IN RUSSIAN BY
KARP KOROLENKO

The Death of the Official

During the performance of a play in a theater in Moscow the Official Chervjakov is forced to sneeze. He wrecks the general Brisschalov, who happens to get in front of him. Shortly afterward the official excuses several times to the general. Since the general did not pay any attention to the occurrence and the excuses the official visits him the next day. Since the man gets on the general's nerves he is thrown out. Deeply hurt, the official goes home, lies down and dies.

(The story describes the servility of the cringing state officials.)

The Chameleon

The Police Chief Otchumelov goes through town with the policeman Yeldgrin and suddenly hears howling of dogs and the call, "hold him, hold him." The watchmaker Chrjukin was bitten on the finger by a dog. The case needs to be investigated. First the Police Officer demands punishment of the owner of the dog. When he hears that the dog belongs to the brother of a general he gives the watchmaker bad names.

(The story is directed against the corruption of the police which was common at Chekhov's time.)

The Horse-Name

The retired general Buldejew has a tooth ache but does not want to have the tooth pulled. The manager of his estate recommends him to consult a quack who lives in Saratow but whose name he can not remember. He only remembers that the name has something to do with horses. They guess about names for some time, then the general gets tired of this and calls for a doctor who pulls the tooth. After having finished the "operation" the doctor meets the manager and asks him for oats. With great joy the manager runs to the general and tells him the name of the quack which has just come back to his mind, namely "oater". The general is very angry and despicably holds two figs in front of the manager's face.

Corporal Prischibeget

The one-time army corporal Prischibeget, who after his military service was a fire policeman and later a janitor in a junior high school is called before the Justice of the Peace because he unlawfully terrorizes the citizens of the village. He is sentenced for one month in prison which he cannot understand since in his opinion he was justified to exercise his power. Even after leaving the courtroom he could not do without his snooty corporal's commands and walks up the street shouting at people "No loitering about! In the houses!"

(The corporal or sergeant are characterised as loyal servants of the authoritarian regime, as denouncers and brutal men.)

ANTON PAWLOWITSCH CHEKHOV

Anton Pawlowitsch Chekhov was born in Taganrog in Southern Russia on January 17, 1860. His father was still a slave farmer, later he became a shopkeeper. Chekhov's youth was hard since the father was very strict and demanded hard work from the children. He had four brothers and one sister. The oldest brother became a journalist, Nikolay, a famous painter like the sister. His brother Ivan was an editor and Michael a novelist. All his brothers and his sister had a very nice relationship with each other.

His mother was a simple Russian woman, soft-hearted, good natured and always friendly to everybody. She exercised a tremendous influence on young Anton Pawlowitsch. Chekhov felt very bad towards his father for the frequent corporal punishment he received from him. The older he became, however, the more he realized that his father meant well for the children and in spite of very modest financial means tried to give them a good education in a "Gymnasium" and also had the children learn musical instruments. The older children even learned foreign languages. Every day early in the morning the family attended mass and from there the children went to school. Chekhov was encouraged by his father to become a member of the church choir.

From the fourth grade of the Gymnasium on, Chekhov also was trained as a tailor's apprentice in the Trade School. So his teens were spent in school,

in the choir, working in the little shop, and with sewing of pants and vests. In his recollections on his childhood he later once said that he never had any childhood. Since his parents, because of their poverty, were always behind in paying the school tuition Chekhov had to stay away from school for months.

Before he could graduate his parents went bankrupt and had to leave Taganrog for Moscow. However, Anton Pavlovitch managed to stay to his graduation. After he received his diploma, he followed his parents to Moscow.

Since his early youth Chekhov had always been interested in the theater and he was also gifted as an actor. The attendance of the theater at those times, however, was only permitted in the company of the parents. By disguising themselves, highschool students were able to attend plays.

In Moscow Chekhov studied medicine from 1879 to 1884 and finished his studies as an M.D. During the time of his studies, Chekhov wrote many stories which were published in magazines and were very well received. He wrote, altogether, about a thousand stories. In 1884 the author moved to the country to Woskresensk. Here among other works Chekhov wrote the story, "The Death of the Official". In exposing

the weaknesses and the corruption of the civil servants of his time Chekhov proved himself as a friend of the common people whom he loved as much as his home country and the Russian countryside. Chekhov traveled very much. He was in the Caucasus, in the Ukraine, on the Crimean Peninsula, in Italy, France and Germany. He visited the island of Sachalin where he studied the life of the deported forced laborers.

In 1892 he bought a house in Melichowo, a little village near Moscow and settled down there. His play "Chaika" was a failure at the premiere in Petersburg in 1896.

In 1898 Chekhov moved to Yalta (Crimea) on the advice of his doctors since he was suffering from a lung disease. The Moscow Art Theater staged his play "Chaika" again this same year and it was a tremendous success. His play "Uncle Vanya" was another great success. In Yalta, Chekhov wrote the play "Three Sisters" in 1903. "The Cherry Orchard" was also written in 1903. In 1901 Chekhov married Olga Knipper, an actress of the Moscow Art Theater.

Chekhov was in close contact with the Russian authors; Tolstoi, Gorky, Kuprin, Teleshov, Korolenko and others. His disease became worse so that he was forced to visit the German spa Badenweiler/Baden. Here he departed from this world on July 2, 1906.

Anton Pawlowitsch Chekhov was one of the greatest classical authors of Russia.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор¹, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола»². Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства³. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчх!⁴ Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицмейстеры⁴, и иногда даже и тайные советники¹. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился², утерся платочком и, как вежливый человечек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришло сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лы

сину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала³ Бризжалова, служившего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и запрятал генерала на ухо:

— Извините, ванье-ство⁴, я вас обрызгал... я нечаянно...

— Ничего, ничего...

— Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

— Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и началглядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

— Я вас обрызгал, ванье-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы все о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнулся нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство¹ в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плонуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов «чужой», успокоилась.

— А всё-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

— Тот вот и есть! Я извинился, да он как-то странно... Ни одного слова путного² не сказал. Да и никогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир³, подстрился и пошел к Бриджалову объясняться. Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии»⁴, ежели припомните, вашество, — начал доказывать экзекутор, — я чихнул-с⁵ и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков бледнея. — Сердитесь, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты¹, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить вашество, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал сострил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеетесь, милостидары! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Всех тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Черт с ним! Напишу ему письмо, аходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объясняться.

— Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинился за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам...⁴ не будет...

— Пошел вон! — гаркнул¹ вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что? — спросил шепотом Червяков, млея² от ужаса.

— Пошел вон! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплыл... Придя машинально³ домой, не снимая вицмундира, он леж на диване... помер.

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель¹ Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыйкий городовой² с решетом, дверку напол-

ненным конфискованным³ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни душой... Открытые двери лавок и кабаковглядят на свет божий уныло, как голубные пасты; около них нет даже никого.

— Так ты кусаешься, окаймная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай⁴ ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумеловглядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собачка. За ней гонится человечек в ситцевой крахмальной рубашке и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись тулowiщем вперед, падает на землю и хватает собачку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выбросши, собирается толпа.

— Никак, беспорядок, ванье благородие!.. — говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сбирающейся. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человечек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный пальц. На полупьяном лице его как бы написано: «Уж я сорвусь с тебя, шельма!», да и сам пальц имеет вид знамения победы. В этом человечке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрибкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзойщенок¹ с острым мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это слышу тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем пальц?.. Кто кричал?

— Иду я, ванье благородие, никого не трогаю... — начинает Хрибкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрием Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за пальц... Вы меня извините, я человечек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай² мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, недело не пошевельну... Этого, ванье благородие³, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собачка? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собачка распускается! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собачка и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!..¹ Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собачка, и составляй протокол! А собачку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная... Чья это собачка, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебе укусить? — обращается Очумелов к Хрибкину. — Нешто² она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здорована! Ты, должно быть, расковырял пальц гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ванье благородие, цигаркой³ ей в харю⁴ для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человечек, ванье благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем

за пáлец... Вы менá извинйтe, я человéк, кóтóрый рабóтающий... Рабóта у менá мéлкая. Пушáй² мне заплáтят,

— Одногó тóлько я не понимаю: как онá могла тебе укусить?

вру, так пушáй мировой¹ рассудит. У него в закóне скáзано... Нынче все равны... У менá у самогó брат в жан-дáрмах...² ёжели хотите знать...

— Не рассуждáть!

— Нет, это не генерáльская... — глубокомысленно за-мечáет городовóй. — У генерáла таких нет. У него все бóльше лягáвые...³

— Ты это вéрно знаешь?

— Вéрно, вáше благорóдие!

— Я и сам знаю. У генерáла собáки дорогóе, породи-стые, а это — чéрт знает что! Ни шéрсти, ни вýда... по-длость однá тóлько... И этакую собáку держáть?! Где же у вас ум? Попадись этакая собáка в Петербúрге или Москвé, то знаете, что было бы? Там не посмогрели бы в закóн, а моментáльно — не дышí! Ты, Хрюкин, постра-дáл и дéла этого так не оставляй... Нужно проучить! Порá...

— А может быть, и генерáльская, — думает вслух городовóй. — На мóрde у ней не написано... Намéдни⁴ во дворе у него таку́ю вýдел.

— Вестíмо⁵, генерáльская! — говорит гóлос из толпы.

— Гм!.. Надéнь-ка, брат Елдýрин, на менá пальто... Что-то вéтром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к гене-рálу и спросишь там. Скáжеши, что я нашёл и прислáл... И скажи, чтобы её не выпускáли на улицу... Онá, может быть, дорогáя, а ёжели кáждый свинýй будёт ей в нóс си-гáркой тýкать, то дóлго ли испóртить... Собáка — нéжная тварь... А ты, болván, опустí рóку! Нéчего свой дурáцкий пáлец выставлять! Сам виновáт!..

— Пóвар генерáльский идёт, его спросим... Эй, Прóхор! Подí-ка, мýлый, сюдá! Погляди на собáку... Вáша?

— Выдумал! Этаких у нас отродя́сь¹ не бывáло!

— И спрашивать тут дóлго нечего, — говорит Очумéлов. — Онá бродячая! Нéчего тут дóлго разговáривать... Ежели сказáл, что бродячая, стáло быть и бродячая... Истребить, вот и всé.

— Это не наша, — продолжáет Прóхор. — Это генерá-лова бráта, что намéдни приéхал. Наш не охотник до борзыx. Брат ихний охоч...

— Да разве бráтец ихний приéхал? Владíмир Ивá-нич? — спрашивает Очумéлов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, гóсподи! А я и не знал! Погостить приéхали?²

— В гóсти...³

— Ишь ты, гóсподи... Соскúчились по бráтце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собáчка? Очень рад... Возьмí её... Собачонканичéго себé... Шустрая такáя... Цап этого за пáлец! Ха-ха-ха... Ну, чéгó дрожíшь? Рр... Рр... Сéрдится, шéльма... цýцык этакий...

Прóхор зовёт собáку и идёт с ней от дровяного склáда... Толpá хохóчет над Хрюкиным.

— Я ёщё доберусь до тебя! — грозит ему Очумéлов и, запáхиваясь в шинéль, продолжáет свой путь по базáрной пло́щади.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

У отставного генерáль-майóра Булдéева разболéлись зúбы. Он полосkáл рот вóдкой, коньяком, приклáдывал к больному зúбу табáчную кóпти, опий, скипидáр, керосин, мáзал щéку йóдом, в ушáх у него былá вáта; смóченная в спирту, но все бóльшоё не помогáло, или вызывáло тошно-тú. Приезжал дóктор. Он поковырýл в зúбе, прописáл хýну, но это не помогло. На предложéние вырвать больной зуб генерáл отвéтил откаzом. Все домáшние — женá, дéти, прислúга, дáже поварёнок Пéтька — предлагали кáждый своё сре́дство. Мéжду прочим, и прикаzчик Булдéева, Ивáн Евсéич, пришёл к нему и посовéтовал полечиться зáговором¹.

— Тут, в нашем уéзде, вáше превосходительство, — сказал он, — лет десять назад служил акцизный² Яков Васильевич. Заговáривал зúбы — пéрвый сорт. Бывáло, отвернётся к окóшку, пошéпчет, поплюёт, и — как рукой!¹ Сила ему такáя дáдена...

— Где же он тепéрь?

— А после того, как его из акцизных увольнили, в Са-ратове у тёщи живёт. Тепéрь тóлько зубами и кóрмится. Ежeli у кóтóрого человéка заболít зúб, то и идёт к нему, помогáет... Тáмошних са-ратовских на дому у себé поль-зует², а ёжeli кóтóрые из других городóв, то по телегráфу. Пошлиte ему, вáше превосходительство, депéшу³, что так, мол, вот и так... у раба бóжьего Алексáя зúбы болят, про-шú выпользовать. А дéньги залечéнье почтой пошлёте.

— Ерундá! Шарлатáнство!⁴

— А вы попытайтe, вáше превосходительство. До вóдки очень охотник, живёт не с женой, а с нéмкой, ругáтель, но, можно сказать, чудодéйственный господин!

— Пошли, Алésha! — взмолилась генерáльша. — Ты вот не вéришь в зáговоры, а я на себé испытáла. Хотé ты и не вéришь, но отчего не послáть? Руки ведь не отвáлятся от этого.

— Ну лáдно, — согласился Булдéев. — Тут не только что к акцизному, но и к чéрту депéшу пошлóшь... Ох! Мóчи нет! Ну, где твой акцизный живёт? Как к нему писáть?

Генерáл сел за стол и взял перó в róki.

— Егò в Сарàтове кáждая собáка знаёт, — сказáл приkáзчик. — Извольте писасть, вáше превосходительство, в гòрод Сарàтов, стáло быть... Егò благорóдию господи́ну Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамíлии... А фамíлию вот и забыл! Васильичу... Чёрт... Как же его фамíлия? Дáвеча, как сюдá шёл, помнил... Позвольте-с...

Иváн Евсéич пóднял глазá к потолку и зашевелил губами. Булдёев и генерáльша ожидали нетерпeliво.

— Ну, что же? Скорéй думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такáя ещё простáя фамíлия... словно как бы лошадиная... Кобыlin? Нет, не Кобыlin. Постóйте... Жеребцóв нéшто? Нет, и не Жеребцóв. Помни, фамíлия лошадиная, а какáя — из головы вышибло...

— Жеребáтников?

— Никак нет. Постóйте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелёв...

— Это уж собáчья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадиный... Лошакóв... Жеребкин... Всё не то!

— Ну, так как же я бóуду ему писасть? Ты подумай!

— Сейчас. Лошáдкин... Кобылкин... Кореннóй...

— Коренникóв? — спросила генерáльша.

— Никак нет. Пристáжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачём же, чёрт тебе возьми, с совéтами лéзешь, ежели забыл? — рассердился генерáл. — Ступай отсюда вон!

Иváн Евсéич мéдленно вышел, а генерáл схватил себя за щёку и заходил по комнатам.

— Ой, бáтишки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, свёта белого не вижу!

Приkáзчик вышел в сад и, подняв к нéбу глазá, стал припомнить фамíлию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребёнко... Нет, не то! Лошадиный... Лошадёвич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя егò позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерáл.

— Никак нет, вáше превосходительство.

— Может быть, Кониáвский? Лошáдников? Нет?

И в дóме, все наперерыв, стáли изобретать фамíлии. Перебрали все вóзрасты, полы и порóды лошадей, вспомнили грýву, копыта, сбрóю... В дóме, в саду, в людской¹ и кóхне люди ходили из углa в углa и, почёсывая лбы, искали фамíлию...

Приkáзчика то и дéло требовали в дóм.

— Табунóв? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребóвский?

— Никак нет, — отвечал Иváн Евсéич и, подняв вверх глазá, продолжал думать вслух: — Конéнко... Кóнченко... Жеребёев... Кобылёев...

— Пáпа! — кричали из дéтской. — Трóйкин! Уздéчкин!

Взбудорáжилась вся усадьба. Нетерпeliый, замúченный генерáл пообещал дать пять рублéй тому, кто вспомнит настоящую фамíлию, и за Иváном Евсéичем стáли ходить цéлыми тóлпами...

— Гнедóв! — говорили ему. — Рысýстый! Лошадицкий!

Но наступил вéчер, а фамíлия всё ещё не была найдена. Так и спать легли, не послáв телегráмы.

Генерáл не спал всю ночь, ходил из углa в углa и стонал... В трéтьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приkáзчику.

— Не Мéринов ли? — спросил он плáчущим голосом.

— Нет, не Мéринов, вáше превосходительство, — отвётил Иváн Евсéич и виновато вздохнул.

— Да, мóжет быть, фамíлия не лошадиная, а какáя-нибудь другáя?

— Истинно слóво, вáше превосходительство, лошадиная... Это очень дáже отлично помню.

— Экий ты какóй, бráтец, беспáмятный... Для меня тепéрь эта фамíлия дорóже, кáжется, всегó на свéте. Замúчился!

Утром генерáл опáть послáл за дóктором.

— Пускáй рвёт! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приéхал дóктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тóтчас же, и генерáл успокóйлся. Сде́лав своё дéло и получив, что слéдет, за труд, дóктор сел в свою бríчку¹ и поéхал домой. За ворóтами в пóле он встрéтил Иváна Евсéича... Приkáзчик стóял на краю дорóги и, глядя со средоточенно себé под ноги, о чём-то думал. Судя по морщýнам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённы, мучительны...

— Булáнов... Чересседéльников... — бормотал он, — Засупóнин... Лошáдский...

— Иváн Евсéич! — обратился к нему дóктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертéй² пять овсá? Мне продаёт наши мужик овёс, да уж бóльно плохой...

Иváн Евсéич тóтко поглядéл на дóктора, как-то дíко улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув рукáми, побежáл к усадьбе с такóй быстротой, тóчно за ним гналася бешеная собáка.

— Надумал, вáше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетáя в кабинéт к генерáлу. — Надумал, дай бог здорóвья дóктору! Овсóв! Овсóв фамíлия акцизного! Овсóв, вáше превосходительство! Псыльайте депéшу Овсóву!

— Нáкося! — сказáл генерáл с презрением и поднёс к лицу его два кóкиша. — Не нáжно мне тепéрь твоей лошадиной фамíлии! Нáкося!

УНТЕР ПРИШИБЕЕВ

— Унтер-офицéр Пришибéев! Вы обвиняетесь в том, что трéтьего сего сентября оскорбили словáми и дéйствием урýдника¹ Жýгина, волостного старшину² Алýпова, сóтского³ Ефýмова, понятых⁴ Иванóва и Гаврýлова и ещё шестерых крестьян, причём пéрвым трéм было нанесено вáми оскорблéние при исполнении ими служебных обязанностей. Прíзнаёте вы себé виновным?

Пришибéев, смóрщеный унтер с колючим лицом, дéляет rуки по швам и отвечает хрýплым, придушенным голосом, отчекáнивая кáждое слóво, точно комáндует:

— Вáше высокорóдие, господи́н мировой судь́! Стáло быть, по всем стáтьям закóна выходит причина аттестовать всякое обстоятельство во взáйности. Виновен не я, а все прочие. Всё это дéло вышло из-за, цárствie емú небéсное, мéртвого тру́па. Иду́ это я трéтьего числа с же-ной Анфíсой тихо, благородно, смотрю — стойт на берегу кúча разного народа людéй. По какому полному прáву тут нарóд собрался? спрашиваю. Зачéм? Нéшто в закóне скáзано, чтó нарóд табуном ходíл? Кричú: разойдись! Стал растáлкивать нарóд, чтó расходились по домáм, приказа́л сóтскому гнать взáшей...

— Позвольте, вы ведь не урýдник, не староста, — разве это вáше дéло разгонять?

— Не егó! Не егó! — слышишься голоса из разных углов кáмеры. — Жить от него нету, вaшескорóдие! Пятнадцать лет от него терпим! Как пришёл со службы, так с той поры хоть из селá беги. Замучил всех!

— Именно так, вaшескорóдие! — говорит свидетель староста. — Всем мýром жáлимся². Жить с ним никак невозможнo! С образами³ ли ходим, свáдба ли иль, положим, слúчай какóй, вездé он кричит, шумит, всё порядки ввóдит. Ребятам уши дерёт, за бáбами подглядывает, чтó чего не вышло, словно свéкор какóй... Намéднишь по избам ходил, приказывал, чтó пéсней не пéли и чтó огнéй не жгли. Закóна, говорит, такóго нет, чтó пéсни петь.

— Погодите, вы ещé успеете дать показáние, — говорит мировой, — а теперь пусть Пришибеев продолжает. Продолжайте, Пришибеев!

— Слúшаю-с! — хрюпит юнter. — Вы, вáше высокорóдие, изволите говорить, не моё это дéло нарóд разгонять... Хорошо-с... А ежели беспорядки? Нéшто можно дозволять, чтóбы нарóд безобразил? Где это в закóне написано, чтó нарóду вóлю давать? Я не могу дозволять-с.

— Где это в закóне написано, чтó нарóду вóлю давать?
Я не могу дозволять-с.

Ежели я не стáну их разгонять да взýскивать, то кто же стáнет? Никто порýдков настóящих не знаёт, во всём се-ле только я оди́н, можно сказать, вáше высокорóдие, знаю, как обходитьсь с людьми простого звáния, и, вáше высокорóдие, я могу всé понима́ть. Я не мужик, я юн-тер-официé, отставной каптенáрмус¹; в Варшáве служил, в штáбе-с, а после того, извольте знать, как в чистую вы-шел², был в пожáрных-с, а после того по слáбости бо-лéзни ушёл из пожáрных и два гóда в мужской класси-ческой прогимнáзии³ в швейцáрах служил... Все порýдки знаю-с. А мужик — простой человéк, онничéго не пони-маёт и должен менá слúшать, потому — для его же полýзы. Взять хоть это дéло, к примéру... Разгоняю я на-рóд, а на берегу на песочке утóплый труп мéртвого чело-вéка. По какому такому основáнию, спрашиваю, он тут лежит? Нéшто это порядок? Что урýдник глядит? Отче-го ты, говорио, урýдник, начáльству знать не даёшь? Мóжет, этот утóплый покойник сам утóп, а мóжет, тут дéло Снýбрью пáхнет⁴. Мóжет, тут уголовное смертоубий-ство... А урýдник Жýгин никакого внимáния, тóлько папироску курит. «Что это, говорит, у вас за ука́зчик такóй? Откуда, говорит, он у вас такóй взялся? Нéшто мы без него, говорит, не знаем нашего поведéния?» Стáло быть, говорит, ты не знаешь, дурák этакой, коли тут стойши и без внимáния. «Я, говорит, ещé вчера дал знать становóму прýстavу». Зачéм же, спрашиваю, становóму прýстavу? По какой стáтье свóда закóнов? Нéшто в таких делáх, когда утóпши, иль удавивши, и прбее тому подобное, — нéшто в таких делáх становóй мóжет? Тут, говорит, дéло уголовное, граждáнское... Тут, говорит, скорéй посы-лать эстафéт¹ господи́ну слéдователю и сúдьям-с. И пéрво-нáперво ты должен, говорит, состáвить акт и послать господи́ну мировому судье. А он, урýдник, всé слúшает и смеётся. И мужик тóже. Все смеялись, вáше высокорóдие. Под присягой могу показать. И этот смеялся, и вот этот, и Жýгин смеялся. Что, говорит, зúбья скáлит? А урýдник и говорит: «Мировому, говорит, судье такие делá неподсúдны». От этих сáмых слов менá дáже в жар бросило. Урýдник, ведь ты это скáзывал? — обращается юнter к урýднику Жýгину.

Скáзывал.

— Все слыха́ли, как ты это сáмое при всём простóм нарóde: «Мировому судье такие делá неподсúдны». Все слыха́ли, как ты это сáмое... Менá, вáше высокорóдие, в жар бросило, я дáже сробéль весь. Повтори, говорит, по-втори, такóй-сякóй, что ты сказа́л! Он опять эти сáмые словá... Я к нему. Как же, говорит, ты мóжешь так объяс-нить про господи́на мирового судье? Ты, полицéйский урýдник, да прóтив вláсти? А? Да ты, говорит, знаешь, что господи́н мировой судье, ежели пожелают, мóгут тебе за такие словá в губéрнское жандáрмское управление по причине твоего неблагонадéжного поведéния? Да ты знаешь, говорит, кудá за такие политические словá тебе уgnáти мóжет господи́н мировой судье? А старшина говорит: «Мировой, говорит, дáльше своих предéлов ниче-го обознáчить не мóжет. Тóлько мáлые делá ему подсúдны». Так и сказа́л, все слышили... Как же, говорит, ты смеёшь власту уничижáть¹? Ну, говорит, со мной не шу-ти шуток, а то дéло, брат, плохо. Бывáло, в Варшáве иль когда в швейцáрах был в мужской класси-ческой прогимнáзии, то как заслыши какие неподходáщие словá, то гляжу на улицу, не видáть ли жандáрма; поди, говорит, сюда, кавалéр, — и всé ему докладываю. А тут, в дерéвне, кому скáжешь?.. Взяло менá зло. Обидно стáло, что нýнешний нарóд забылся в своеоблии и неповиновéнии, я размахнúлся и... конечно, не то чтобы сильно, а так, прáвильно, полегоньку, чтó не смел про вáше высокорóдие такие словá говорить... За старшину урýдник вступился.

Я, стáло быть, и урýдника... И пошлó... Погорячýлся, вáше высокорóдие, ну да ведь без тóго нельзя, чтó не побýть. Ежели глóупого человéка не побъёшь, то на твоей же душé грех. Особлýво², ежели за дéло... ежели беспорéдок...

— Позвольте! За непорéдками есть кому глядеть. На это есть урýдник, стáрosta, сбóтский...

— Урýднику за всем не углýдеть, да урýдник и не понимáет тóго, что я понимáю...

— Но поймите, что это не вáше дéло!

— Чегó-с? Как же это не моë? Чуднó-с... Люди безобрáзят, и не моë дéло! Что ж мне, хвалить их, что ли? Онí вот жáлятся вам, что я пéсни петь запрещаю... Да что хоро́шего в пéснях-то? Вместо тóго чтó дéлом какýм занимáться, онí пéсни... А ещé тóже мóду взяли вечерá с огнём сидéть. Нúжно спать ложиться, а у них разговор да смéхи. У менé запýсано-с!

— Что у вас запýсано?

— Кто с огнём сидít.

Пришибéев вынимáет из кармáна засáленную бу́мáжку, надевáет очкí и читáет:

— «Котóрые крестьяне сидят с огнём: Ивáн Прóхоров, Сáвва Микифоров, Пётр Петрóv. Солдáтка Шустрóva, вдовá, живёт в развратном беззаконии с Семёном Кислóвым. Игнáт Сверчóк занимáется волшебством, и женá его Máвра есть вéдьма, по ночам хóдит дойти чу́жих корóв».

— Довóльно! — говорйт судý и начинáет допрáшивать свидéтелей.

Унтер Пришибéев поднимáет очкí на лоб и с удивлéнием глядít на мировóго, который, очéвидно, не на его сторонé. Его выпущенные глазá блестят, нос становится ёрко-красным. Глядít он на мировóго, на свидéтелей и никак не мóжет понять, отчего это мировóй так взволнован и отчего из всех углов камеры слышится то рóпот, то сдёржанный смех. Непонýтен ему и приговор: на мéсяц под арéст!

— За что?! — говорит он, разводя в недоумéнии рукáми. — По какому закóну?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свéte ужé никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но, выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чём-то, он по привычке, с которой ужé совладать не мóжет, вытáгивает рóки по швам и кричит хрíплым, сердýтым голосом:

— Наррóд, расходíсь! Не толпíсь! По домáм!

ся, он не нашёл нúжным стрýхивать с себя снег... Его лошадёнка тóже белá и неподвижна. Своёю неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизнóю ног онá dáже вблизи похожа на копéечную прýничную лошáдку. Онá, по всей вероятности, погружена в мысль. Когó оторвáли от плýга, от привычных сéрых картын и бросили сюда, в этот бóмут¹, полный чудовищных огней, неугомонного трéска и бегущих людéй, тому нельзя не думать...

Ибóна и его лошадёнка не двýгаются с мéста ужé давнó. Выехали онí со дворá ещé до обéда, а почина всё нет и нет². Но вот на город спускается вечéрняя мгла. Блéдность фонáрных огней уступает своё мéсто живой краске, и уличная суматоха³ становится шумнéе.

— Извóзчик, на Выборгскую!⁴ — слышит Ибóна. — Извóзчик!

Ибóна вздрáгивает и сквозь реснýцы, облéпленные снегом, вíдит военного в шинели с капюшоном⁵.

— На Выборгскую! — повторяется военный. — Да ты спиши, что ли? На Выборгскую!

В знак соглáсия Ибóна дéргает вóжжи, от чего со спины лошади и с его плеч спýплются пласти снега... Военный садится в сáни. Извóзчик чмóкает губáми, вытáгивает по-лебéдíному шéю, приподнимается и больше по привычке, чем по нуждé, машет кнутóм. Лошадёнка тóже вытáгивает шéю, кривит свой палкообразные ноги и нерешительнó двýгается с мéста...

— Кудá прéшь, лéший! — на первых же порах слышит Ибóна вóзгласы из тóмной, двýжущейся взад и вперед массы. — Кудá чéрти несóут? Прáва держí!

— Ты ездить не умеешь! Прáва держí! — сéрдится военный.

Бранитcя кóучер с карéты, злобно глядít и стрýхивает с рукавá снег прохóжий, перебегáвший дорóгу и налетевший плечом на мóрду лошадёнки. Ибóна ёрзает на кóзлах, как на игблках, тыкает в сторону локтáми и вбóдит глазáми, как угорéлый¹, словно не понимáет, где он и зачём он здесь.

— Какие все подлецы! — острít военный. — Так и норовят столкнуться с тобой или под лóшадь попасть. Это онí говорýлись.

Ибóна оглáдывается на седокá и шевелит губáми.. Хóчет он, по-видимому, что-то сказать, но из горла не выходитничéго, кроме сипéния.

— Что? — спрашивает военный.

Ибóна кривит улýбкой рóт, напрягáет своё горло и сипит:

— А у менé, бáрин, тóвó... сын на тóй недéле пóмер.

— Гм... Отчего же он умер?

Ибóна оборáчивается всем тóловищем к седокú и говорит:

— А кто ж его знаёт! Должно, от горáчки... Три дня пролежáл в больнице и пóмер... Бóжья вóля.

— Сворáчивай, дьявол! — раздáётся в потéмках. — Повылáзило, что ли², стáрый пёс? Глядй глазáми!

— Поезжай, поезжай... — говорит седок. — Этак мы и до завтра не доедем. Подгонí-ка!

Извóзчик опять вытáгивает шéю, приподнимается и с тяжёлой грáцией³ взмáхивает кнутóм. Нéсколько раз потóм оглáдывается он на седокá, но тот закрыл глазá и, по-видимому, не располéжен слышать. Высадив его на Выборгской, он останáвливается у трактира, сгибается на кóзлах и опять не шевельнётся... Мóкий снег опять красит набело его и лошадёнку. Проходит час, другой...

По тротуáру, громко стучá калóшами и перебráниваясь, прохóдят трóе молодых людéй: двóе из них высокий и тонкий, трéтий мал и горбáт.

ТОСКА

Кому повéм печáль мой?¹

Вечéрние сúмерки. Крупный мóкий снег лениво крýжится около тóлько что зажжённых фонарей и тóнким, мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плéчи, шáпки. Извóзчик Ибóна Потáпов весь бел, как привидéние. Он согнúлся, насколько тóлько возможно согнúться живому тéлу, сидít на кóзлах² и не шевельнётся. Упади на него цéлый сугроб, то и тогдá-бы, кáжет-

— Извозчик, к Полицейскому мосту! — кричит дрезжущим голосом горбач. — Трой... двугривенный!¹

Иона дёргает вожжами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятачок — для него теперь всё равно, были бы только седоки...

Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходят к саням и все трое сразу лезут на сиденье. Начинается решение вопроса: кому двум сидеть, а кому третему стоять? После долгой перебранки, капризничанья и попрёков приходят к решению, что стоять должен горбач, как самый маленький.

— Ну, погоняй! — дребезжит горбач, устанавливаясь и дыша в затылок Ионы. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братец! Хуже во всём Петербурге не найти...

— Гы-ы... гы-ы... — хохочет Иона. — Какая есть...

— Ну, ты, какая есть, погоняй! Этак ты всю дорогу будешь ехать? Да? А пошёё...

— Голова трещит... — говорит один из длинных. — Вчера у Дукмасовых мы вдвоём с Ваюськой четыре бутылки коньяку выпили.

— Не понимаю, зачём врат! — сердится другой длинный. — Брёт, как скотина.

— Накажи меня бог, пра́вда...

— Это такая же пра́вда, как то, что воишь кашляет.

— Гы-ы! — ухмыляется Иона. — Весёлые господы!

— Тыфу, чтоб тебя чёрти!.. — возмущается горбатый. — Поедешь ты, старая холёра, или нет? Разве так ездят? Хлобысни-ка¹ её кнутом! Но, чёрт! Но! Хорошенько её!

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и голосовую дрожь горбача. Он слышит обращённую к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди. Горбач бранится до тех пор, пока не давится вычурным, шестиэтажным ругательством² и не разражается кашлем. Длинные начинают говорить о какой-то Надежде Петровне: Иона оглядывается на них. Дождавшись короткой паузы, он оглядывается ещё раз и бормочет:

— А у меня на этой неделе... того... сын помер!

— Все помрём... — вздыхает горбач, вытирая после кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господы, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас довезёт?

— А ты его легонечко подбодри... в шёю!

— Старая холёра, слышишь? Ведь шёю накостила!.. С вашим братом церемониться, так пешком ходить!.. Ты слышишь, Змей Горыныч?³ Или тебе плевать на наши слова?

И Иона больше слышит, чем чувствует звуки подзатыльника.

— Гы-ы... — смеётся он. — Весёлые господы... дай бог здоровья!

— Извозчик, ты женат? — спрашивает длинный.

— Я-то? Гы-ы... весёлые господы! Тапёра⁴ у меня одна жена — сырья земля... Хи-хо-х... Могила, то есть! Сын-то вот помер, а я жив... Чудно дело, смерть двирью обозналась... Заместо¹ того, чтоб ко мне идти, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, он наконец приехали. Получив двугривенный, Иона долгоглядит вслед гулякам, исчезающим в тёмном подъезде.

Опять он одинок, и опять наступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь ещё с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снувшим² по обе

стороны улицы: не найдётся ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечающая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но тем не менее её не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу³, что её не увидишь днём с огнём...

Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним.

— Милый, который теперь час будет? — спрашивает он.

— Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!..

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдаётся тоске... Обращаясь к людям он считает уже бесполезным. Но не проходит и пятнадцати минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дёргает вожжи... Ему невмоготу.

«Ко двору, — думает он. — Ко двору!»

И лошадёнка, точно поняв его мысль, начинает бежать рысью. Спустя час полтора Иона сидит уже около большой грязной печи. На печи, на полу, на скамьях храпит народ. В воздухе «спираль»¹ и духота... Ионаглядит на спящих, почёсывается и жалеет, что так рано вернулся домой...

«И на овёс не выездил, — думает он. — Оттого-то вот и тоска. Человек, который знающий своё дело... который и сам силен и лошадь силен, завсегда покончил...»

В одном из углов поднимается молодой извозчик, синно крякает и тягается к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

— Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слышил? на этой неделе в больнице... История!

Иона смотрит, как какой-нибудь произвёл его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит. Старик вздыхает и чешется... Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он ещё путём³ не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одежду покойника. В деревне осталась дочка Анисья... И про неё нужно поговорить... Да мало ли о чём он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить ещё лучше. Те хоть и дуры, но ревут от двух слов.

«Пойти лошадь поглядеть, — думает Иона. — Спать всегда успеешь... Небось выспишься...»

Он одевается и идёт в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сено, о погоде... Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нём можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...

— Жёшь? — спрашивает Иона свою лошадь, видя её блестящие глаза. — Ну, жуй, жуй... Коль на овёс не выездили, сено есть будем... Да... Стар уж стал я ездить... Сыну бы ездить, а не мне... То настоящий извозчик был... Жить бы только...

Иона молчит некоторое время и продолжает:

— Так-то, брат, кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказали долго жить...¹ Взял и помер зря... Тапёра, скажем, у тебя жеребёнок, и ты этому жеребёнку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребёнок приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошадёнка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей все.